

Коллекция Современной Праздничной

Коллекция Современной Праздничной

Борис Алексеев

Любви
чудесная
квинтоль

2020

Коллекция современной прозы

Борис Алексеев

Любви чудесная квинтоль

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Алексеев Б. А.

Любви чудесная квинтоль / Б. А. Алексеев — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907350-22-9

Книга, которую драгоценный читатель держит в руках, повествует о высокой жертвенной любви. С духовной точки зрения такая любовь является проявлением Божественной благодати. Смысл этого удивительного чувства не в удовлетворении собственных причуд, но в счастье любимого человека. Текст книги состоит из шести самостоятельных историй. Пять из них произошли в гостеприимных испанских землях, одна – в праздничной Первомайской Москве. Музыкальный термин «квинтоль» вкрался в название книги не случайно. Ровно столько испанских историй (пять!) включено в книгу.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-22-9

© Алексеев Б. А., 2020

© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Борис Алексеев	6
Роза для Антона	7
Испанская одиссея	12
Испанская история	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

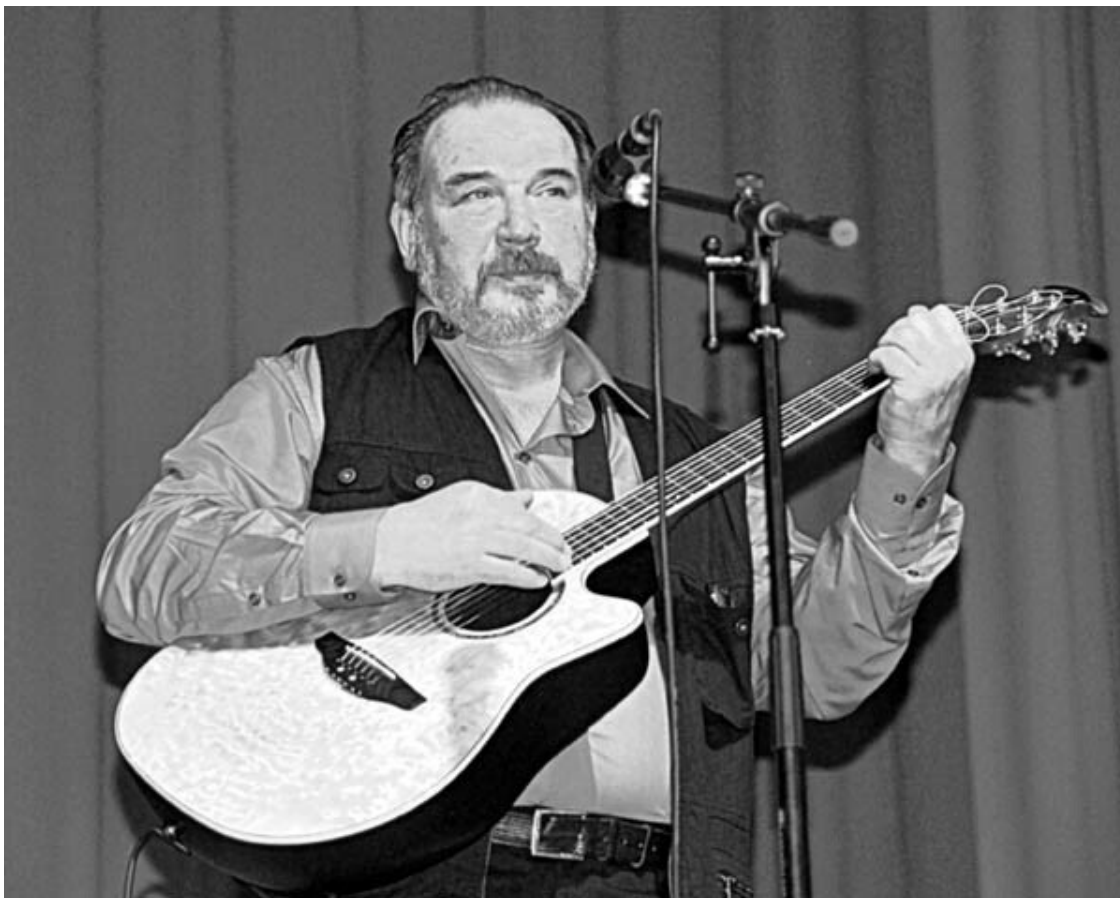
Борис Алексеевич Алексеев

Любви чудесная квинтоль

© Б. Алексеев, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Борис Алексеев

Москвич. Профессиональный иконописец и литератор.
Член Московского Союза художников.
Награждён двумя орденами Русской Православной Церкви.
Член Союза писателей России (Московская городская организация).
Лауреат Премии Гиляровского и серебряный лауреат Международной литературной премии «Золотое перо Руси – 2016».
Дипломант
литературной премии Союза писателей России «Серебряный крест – 2018»,
литературного конкурса Союза писателей России «Лучшая книга года» (2016–2018).
Эл. почта: <mailto:alboros@list.ru>

Роза для Антона

Часть 1

История эта, как спичка, вспыхнула в далёком 1949 году.

Представьте, праздничная послевоенная Москва, одетая в первомайский кумач, музыка, улыбки горожан, разноцветные шары и жаркое полуденное солнце.

Городской парк, кафе с открытой верандой. На столиках в изящных фарфоровых вазочках плавится самое вкусное на свете мороженое!

В плетёных шезлонгах сидят интеллигентная дама с дочерью. И хотя воспитанному рассказчику следует наперво оказать внимание именно даме как старшей по возрасту, он всё же займётся («займусь!») как говаривал Александр Сергеевич) описанием её прелестной дочери.

Итак, Роза. Очаровательный семнадцатилетний распутившийся первоцвет из небогатой еврейской семьи. Воспитанная мамой в традициях строгого еврейского уклада (отца в 37-м расстреляли), Роза тем не менее с детства мечтала об артистической карьере. Она подолгу задерживалась у зеркала. Девушку интересовали не собственные юные прелести, которыми был полон её молодой сильный организм, а, скорее, пластические возможности вдохновенного диалога со средой. Мама нарочито сердилась, глядя на простодушную толкотню дочери у коммунального подзеркальника. Однако в глубине души добрая женщина любовалась Розой, вспоминая трудные и оттого ещё более пленительные молодые тридцатые годы.

Решение дочери учиться на «комедиантку» мать не одобряла. «Тебя же заставят прилюдно целоваться с нелюбимым человеком! Как ты себе это представляешь?» – спрашивала она, сдвигая брови. Бедная Роза, не зная, что следует ответить, краснела, опускала глаза и прижималась к материнской груди. В эти минуты она испытывала искреннее смущение. Но вскоре, позабыв наставления матери, вновь спешила к зеркалу и беззаботно кружилась на пару с собственным отображением. Мать, не желая продолжать неприятный разговор, смиряла родительское беспокойство и не переспрашивала.

... Подслеповатая дама шурилась на яркое праздничное солнце и баловала себя, погружая ложечку то в один цветной мороженный шарик, то в другой. Роза через плечо матери застенчиво поглядывала на молодого человека, скромно расположившегося неподалёку.

Предмет её стыдливого внимания сидел за самым солнечным столиком на веранде, вытирал огромным клетчатым платком капельки пота со лба и, позабыв о существовании мороженого, с восторгом всматривался в юную Розу. Юноша густо краснел, когда девушка, чувствуя на себе его взгляд, поднимала голову и их глаза встречались.

На вид молодому человеку было лет двадцать. По его лицу бродили стада забавных рыжих конопушек, а на переносице покачивалась, будто коромысло, увесистая оправа с кругляшками стёкол «а-ля Шостакович». Конопушки, короткие русые волосы, аккуратно зачёсанные назад, и совсем не модные очки говорили о книжной принадлежности молодого человека. Звали влюбчивого юношу Антон.

Тем временем женщина всё реже погружала ложечку в мороженое и с нарастающим беспокойством поглядывала на дочь, отслеживая её странное поведение. Наконец она выдохнула «Та-ак!» и развернулась всем корпусом в направлении Антона.

Наш герой не сразу заметил два револьверных дула, наставленных на него из материнских глазниц. Потребовалось несколько «холостых выстрелов», чтобы он смутился, опустил голову и начал запихивать в себя подтаявшие шарики пломбира.

– Роза, идём отсюда! – ледяным, не тающим на солнце голосом произнесла женщина, вставая с шезлонга.

Метнув прощальную «льдышку» в сторону беспардонного молодого человека, она подхватила дочь под руку и направилась к выходу.

– Как неприлично, Роза! – поучала женщина, задетая странной и, как казалось ей, слишком праздничной весёлостью дочери. – У всех на виду ты перемигивалась с парнем. Может быть, в вашем театральном учебнике вас этому учат, но, милая Роза, поверь матери, со стороны это выглядит ужасно непристойно.

Женщина готова была ещё долго наставлять непутёвую дочь в элементарных правилах приличия, но первомайская суматоха вскоре заглушила слова родительского попечения.

Антон с минуту провожал Розу глазами. Затем, отставив в сторону вазочку с последним нетронутым шариком, решительно поднялся и поспешил вслед.

Придерживая дочь за руку, женщина направилась кратчайшей парковой дорожкой к Триумфальной арке центрального входа. Когда монументальные буквы на портике ЦПКО «ЛЕНИН + СТАЛИН = ПОБЕДА» остались за спиной, она свернула в сторону Крымского моста. Антон не отставал. Один раз он позволил себе подойти чуть ближе безопасного расстояния. Видимо, почувствовав это, Роза обернулась, их глаза встретились. Девушка вспыхнула и резко потянула мать вперёд, уводя прочь от неосторожного Антона.

Миновав Крымский мост, беглянки смешались с праздничной толпой горожан у входа в метро «Парк культуры». Антон, потеряв Розу из вида, как лев, бросился вперёд. Не обнаружив девушку в вестибюле, он помчался вниз по левому ряду эскалатора. Высокая статная фигура Розы выросла перед ним внезапно, как риф в искрящемся человеческом море. От неожиданности наш герой споткнулся и чуть было не обрушился всей тяжестью на миниатюрные плечи матери, но Роза успела отдёргнуть мать в сторону, и Антон пролетел мимо.

– Ах, какой невежливый! – фыркнула вслед потревоженная женщина, не распознав в мелькнувшем затылке черты назойливого паренька из ЦПКО.

Где-то внизу Антон врезался в группу демонстрантов и под общий хохот благополучно сошёл с эскалатора. Забежав за кабинку дежурного, он наблюдал, как Роза помогла матери сойти со ступеней и под руку повела её на перрон.

Чем дальше Антон всматривался в смоляные кудряшки Розы, спадающие из-под фетровой шляпки на остренькие девичьи плечи, тем глубже в его сердце проникало неведомое чув-

ство мучительного наслаждения. Да-да, с Антоном случилось то, что случается с нами совершенно неожиданно и противу житейского расчёта, – он влюбился!

Неискущённый в любовных переживаниях, юноша ощутил прикосновение благодатного чувства как внезапный порыв ветра, увлекающий сознание в пропасть, вернее, в перевёрнутое небо.

«Как так?» – спросит читатель. А так: умом мы понимаем под словом «падение» трагическую развязку происходящего. Но падение – это прежде всего полёт! Падаем мы или поднимаемся, зависит исключительно от выбранной нами «личной» системы координат. Стоит переменить направление вертикальной оси на обратное, и мы, вместо того чтобы падать, тотчас, подобно пузырьку воздуха в воде, устремляемся вверх!

К тому же любовь всё ставит с ног на голову. Она рушит до основания привычный житейский мир и из его обломков складывает пространство удивительной красоты. Серые горы мусора превращаются в причудливые цветные мозаики. Будничные лица под действием религиозного чувства любви к ближнему становятся эталонами красоты и доброжелательства.

Следует знать: когда мы влюблены, наше поведение определяет не ум (титулованный распорядитель в обычных обстоятельствах), но сердце. А сердцу безразличны земные законы. Поэтому, что ожидает нас, влюблённых волшебников, «в конце полёта» – остроконечные стволы сушняка или белые мхи облаков, – кто знает...

Роза с матерью вошли в головной вагон поезда. Антон как тень скользнул в соседние двери. Поезд тронулся.

– Выходите? – скрипнул за спиной нашего героя нетерпеливый старческий голос.

– Н-не знаю, – ответил Антон, глядя через головы на Розу.

– Если вы, молодой человек, не знаете даже этого...

– Станция «Дворец Советов», – объявил машинист по селектору.

Роза с матерью стала пробираться к выходу.

– Э нет, бабуся, – улыбнулся Антон, – теперь знаю. Я вы-хо-жу!

Поезд мягко остановился. Роза спорхнула с подножки и помогла матери выйти на перрон. Бросив косой взгляд на выходивших из дверей пассажиров, она подхватила мать под руку и направилась к выходу.

Каскад подземных переходов вывел их из мрачного вестибюля метро на праздничную Кропоткинскую площадь. Вдоль высокого забора, ограждавшего от лишних глаз котлован недостроенного Дворца Советов, катились человеческие волны, гонимые ветром разгульной радости. Кумачовые паруса транспарантов трепетали на ветру, повсюду звучала музыка военных оркестров и трофейных аккордеонов.

Роза задержала мать у вереницы старушек, притулившись к зданию станции и продававших всякую всячину. Она водила мать от старушки к старушке, поглядывая из-под шляпки по сторонам. У последней старушки мать решила купить какую-то безделицу и стала торговаться. Роза выпрямилась, обернулась к метро и подняла руку вверх. Тотчас над праздничной суматохой взметнулась неподалёку ответная мужская рука. Девушка закусила губку и с улыбкой склонилась к матери:

– Мама, ну что ты так долго! Пойдём же.

Они направились по Гоголевскому бульвару в сторону Арбата. Метров через двести свернули на Сивцев Вражек и скрылись в одном из подъездов дома № 4.

– Эврика! – воскликнул Антон, провожая взглядом любимую.

Не сдержав эмоции, он выкинул замысловатое танцевальное коленце, постоял ещё минут пять, изучая особенности местной топографии, затем развернулся и, насвистывая сороковую Моцарта, зашагал прочь.

Дом, в котором втроем жили Антон с мамой и младшей сестрой Таней (отец погиб в 45-м), располагался на Садовом кольце неподалёку от Павелецкого вокзала. Идти от «Кропот-

кинской» (так вскоре назовут станцию «Дворец Советов») в сторону Зацепа – минут сорок, не больше.

Когда юноша вернулся домой, мама стряпала на кухне, Таня что-то писала в комнате, сидя за столом, а соседский кот Тиша мирно спал, обняв коридорную тумбочку и положив лапу на трубку коммунального телефонного аппарата.

– Мама, я... я, – Антон запнулся, – я есть хочу!

Мать посмотрела в счастливые глаза сына и покачала головой:

– Ой ли?... Ты купил то, что я тебя просила?

Антон не услышал вопрос матери. Прямо в ботинках, не разуваясь он прошёл на кухню и рухнул на табуретку.

– Мама, жизнь прекрасна!

Мать улыбнулась в ответ, внимательно поглядела в глаза сыну, отложила стряпню и присела рядышком.

– Антоша, а ты не влюбился, случаем?... – спросила она, внезапно став вопросительно-серьёзной.

– Мама, что ты говоришь! Ну разве можно вот так спрашивать?! – захлёбываясь словами, Антон вскочил с табуретки и умчался в комнату, успев по пути дёрнуть сестру за косу.

– Эй ты, ненормальный! – взвизгнула Таня.

– Тань, не трогай его, он не услышит тебя сегодня, – негромко за сына ответила мать и повернулась к плите.

Часть 2

Первомайское солнце, как огромная театральная рампа, заливало городские улицы светом праздничного веселья. Белый воздух больничной палаты подрагивал от ритмичных вздохов военного оркестра, порционно сотрясавших «касторовое царство» через распахнутое настежь окно.

Патронажная сестра Верочка сидела на подоконнике и провожала глазами бравых военных оркестрантов, марширующих под окнами городской больницы.

– Нас провожать пришли, – отозвалась старушка из глубины палаты.

– Да что вы, Розалия Львовна, это они вас приветствуют. Праздник же! – ответила Вера.

– Да-да, праздник... – едва шевеля губами, прошамкала старушка и перевела взгляд на соседнюю кровать, где лежал большой пепельно-рыжий старик и щурился в потолок сквозь круглые стекляшки очков.

– Антоша... Антоша, ты спишь? – задыхаясь от огромного количества сказанных слов, прошептала Розалия Львовна и добавила, как бы самой себе: – А помнишь то первое Первое мая?...

Старик, приоткрыв глаза, попытался улыбнуться. Говорить он не мог и лишь взглядом старался ответить Розалии, что, конечно, он помнит всё от первой минуты их случайного знакомства до вот этой, последней, нет-нет, ещё не последней...

Старик попробовал вытащить из-под одеяла руку, но плечо не слушалось. Это заметила Верочка и, спорхнув с подоконника, под села к нему на кровать.

– Вот так, Антон Владимирович, – она бережно направила руку старика к кровати Розалии Львовны и второй рукой помогла старушке дотянуться до ладони мужа.

Верочка знала: подолгу лежать, касаясь ладонями друг друга, было единственным желанием этих милых старичков, которые практически перестали принимать пищу и реагировать на окружающую жизнь. Когда их ветхие морщинистые ладони коснулись друг друга, Верочка наскоро вытерла собственные слёзы и затем по очереди салфеткой вытерла старичкам щёки и впадины глазниц.

Вдруг Розалия Львовна начала задыхаться. Она хватала сухими пепельно-серыми губами воздух и никак не могла вдохнуть. Глаза старика воспламенились огнём беспокойства. Насколько хватало его несуществующих сил, он сжал слабеющую ладонь жены, будто хотел удержать её от падения в пропасть. Но старушка с каждой секундой всё более оседала телом, сливаясь с горизонталью кровати. Её ладонь, зажатая в руке старика, некоторое время ещё подрагивала, потом замерла, потом вдруг встрепенулась прощальным плеском силы и... безжизненно затихла в холодных пальцах мужа.

Верочка с криком «Евгений Олегович, она умирает!..» выбежала из палаты. Вслед старик, скользя пальцами по мёртвой руке Розалии, промычал что-то нечленораздельное.

Со стороны можно было заметить, как по морщинистому лабиринту его пунцовых ланит, будто майский дождик, бежали потоки слёз, невыплаканные за долгую и счастливую жизнь.

Испанская одиссея

Испанская история

Часть 1. Экая безделица...

1983 год. Испания. Приморский городок Сан-Педро. Талассия, оздоровительный бассейн на окраине города. Плотный йодистый запах подогретой морской воды.

Я бреду по гулкому коридору бассейна, разомлев от высокотемпературных процедур. Прямо передо мной из бокового прохода вышаркивает огромный сутулый старик и, покачиваясь, направляется к выходу. Его походка напоминает колыхание шляпки в волнах на короткой береговой привязи.

По причине хронического безделья (вторую неделю мне не случилось найти хоть какую-то работу) я придумываю себе занятие и беззаботно направляюсь вослед старику.

Как гребцы на двухместном каноэ, мы синхронно движемся по извилистому каньону коридора и через пару минут попадаем в просторный вестибюль.

Мне двадцать лет. Для меня жизнь – щедрая расточительная игра – моя игра. И я играю на выигрыш независимо от окончательного результата!

Старик что-то шепчет консьержке, та улыбается и подаёт конверт. Он вскрывает печатку, пробегает глазами содержание бумаги и вдруг резко оборачивается в мою сторону. Я едва успеваю отвести глаза.

В вестибюле много народа и довольно шумно. По рассеянному взгляду старика я понимаю, что он не замечает моего присутствия, и продолжаю в пол-оборота наблюдать за ним. Мой визави тщательно мнёт бумагу и опускает комок в урну. С минуту стоит, провожая взглядом брошенное письмо, затем расправляет сутулые плечи и решительно направляется к выходу.

Его странные действия только увеличивают кураж преследования. Меня буквально распирает от молодецкого задора и интриги происходящего, ведь я погружаюсь в чужую тайну! «Эх, был бы я писателем! – подумалось мне. – Вот она книга! Судьба вручает мне перо. Пиши!»

... Наше «каное» пересекает бурлящую гавань вестибюля, проходит «пороги» витражных входных дверей и оказывается на ступенчатой отмели огромного океана улицы. Я крадусь по-кошачьи метрах в шести от старика. А он всё время прибавляет шаг, будто сбрасывает с сутулых плеч мне под ноги мгновения своей прожитой жизни.

Рискуя вызвать недоуменные взгляды уличных прохожих, я вышагиваю за стариком и всё более люблюсь деталями его забавного экстерьера. Передо мной необыкновенный «исторический» артефакт! Длинные шорты болтаются на худых жилистых ногах, как открепившиеся паруса на двухмачтовой бригадине. Обут он в поношенные кроссовки поверх плотных шерстяных носков. Сутулое, обнажённое до пояса тело исковеркано бесчисленным количеством лилово-коричневых пятен и мозолистых бугорков и напоминает старый морской бакен с налипшими чешуйками устриц, рачков и сухих перевязей морской травы.

Поминутно я спрашиваю себя: «Зачем ты идёшь за ним?» И продолжаю идти, не ожидая ответа...

Часть 2. Старик

Старик вышел за территорию бассейна и направился к бухте. На одном из круговых перекрёстков он опять неожиданно обернулся. Я невольно отвернул голову от его взгляда и тоже посмотрел назад. Возле самой дороги, на балконе старинного особняка мне привиделась молоденькая девушка. Она держала в руках красный невероятно длинный шарф. Девушка непрерывно двигалась, подбрасывала шарф вверх и перебежала с одного края балкона на другой. При этом шарф, как воздушный змей, послушно следовал за ней. Наконец она остановилась, многократно обвязала шарфом тоненькую шею и превратилась в огненный кокон! Мне припомнились строки из учебника начальной мореходки: «Красный свет маяка обозначает левую от безопасного сектора область для приближающихся судов». Знать бы тогда, сколько слёз и человеческого горя произведёт в моей судьбе этот красный ориентир житейского фарватера!

Но сейчас, очарованный танцем милой сеньориты, я стоял, неловко обернув голову назад и совершенно позабыв о старике.

Через какое-то время сквозь шум машин и крики чаек мой слух уловил шарканье его удаляющихся шагов. Звук стёртых подошв почему-то напомнил неприятное поскрипывание песка на зубах. Я отвёл взгляд от балкона и разглядел покатуя спину старика далеко впереди, почти у самой бухты. Несоответствие расстояния и отзвука его шагов озадачило меня. Я снова обернулся назад.

Ни старинного особняка, ни девушки на балконе не было в помине. За моей спиной галдел городской рынок, и чёрные размалёванные негры липли к посетителям, как сладкая вата.

С того рокового дня прошло без малого семьдесят лет, но я отлично помню ужас, охвативший меня от внезапной перемены декораций. Однако самым удивительным оказалось не это. Увлечённый игрой в преследование, я не остановился и не стал ломать голову над чудовищной метаморфозой бытия, но беспечно (о, молодость!) вновь поспешил за стариком.

Мы подошли к пирсу. Старик махнул кому-то рукой. Через пару минут напротив нас причалила старенькая двухмачтовая яхта. Судя по облупившейся покраске и канатным скруткам, время службы этой старой посуды давно подошло к концу.

Мой провожатый обогнул парапет и по перекинутому трапу взошёл на палубу.

– Ты идёшь? – обратился ко мне матрос, скручивая канат с оголовка пирса.

Я ловко перепрыгнул ограждение и ступил на дощатый трап вслед старику.

Яхта подхватила парусами порывистый береговой ветер и уверенно легла на курс. Команда принялась выполнять обыкновенную морскую работу.

На меня никто не обращал внимания. В одиночестве я присел на кормовое возвышение и стал разглядывать мускулистые тела матросов. Невнимание команды заставило меня наконец задуматься над тем, что происходит. Сердце начал подавлять страх перед неопределённостью и, возможно, роковым продолжением невинной шутки. Вот как оборачивается безделье души!

Тем временем яхта, подобно засидевшейся за рукоделием барышне, резво бежала в открытое море. Время от времени она весело приплёскивала палубу бурунами встречных волн и посверкивала в лучах солнца начищенным судовым металликом. Берег же, напротив, плющился и превращался (вместе с моей двадцатилетней биографией) в узкую, едва различимую полоску суши между огромным неподвижным небом и лоснящейся в закатных лучах поверхностью моря.

Я в задумчивости опустил голову на грудь и вскоре уснул прямо на корме, обласканный тёплым попутным ветром и мерными покачиваниями моего нового пристанища...

Часть 3. Держи румпель, парень!

К вечеру погода стала меняться. Сырой колкий бриз разбудил меня. Я попытался встать и тут же повалился обратно на корму при очередном хлестком ударе волны о борт.

– Эй, челнок, – крикнул матрос с огненно-рыжей копной вьющихся до плеч волос, – тебя кличет хозяин.

Я кое-как поднялся и, качаясь из стороны в сторону, побрёл в центр яхты к капитанской рубке. Цепляясь за канаты и всевозможные выступы судового оборудования, мне не без труда удалось подобраться к металлической двери рубки. Она была распахнута настежь и отчаянно болталась, сообразно качке. Привалившись к двери всем телом, я несколько раз постучал для приличия и, не ожидая ответа (за грохотом волн всё равно никто бы ничего не услышал), шагнул внутрь крохотного, уставленного приборами помещения. Старик в повелительном тоне беседовал с капитаном о предстоящих морских передвижениях. Оба стояли ко мне спиной. Через минуту кэп обернулся и кивком головы приветствовал меня. Старик, не оглядываясь, проворчал:

– Кого там носит?

Неожиданно для самого себя я ответил так:

– Хозяин, ты звал меня.

В ответ старик ухмыльнулся и прошамкал съеденной нижней челюстью:

– Ну-ну.

Шестое чувство мне подсказало, что этим «ну-ну» я только что оказался зачислен в судовую команду.

– Эй, парень, рулить умеешь? – рассмеялся кэп. – Нет? Ну и лады, держи румпель прямо на волну и не сс...

Меня подмывало съёрничать и высказать кэпу витиеватую благодарность «за оказанную честь», но он уже отвернулся и продолжил разговор со стариком, очевидно, хозяином яхты.

Часть 4. Знакомство

Часа через полтора вокруг капитанской рубки собралась в полном составе команда. Кроме старика, кэпа и рыжего матроса, ещё два на вид отпетых морских волка, одетые в просоленные тельняшки, замыкали странное корабельное сообщество.

– Как зовут? – спросил меня кэп, стоя за спиной хозяина, развалившегося на единственном судовом стуле, привинченном к крепёжным вертикалям рубки.

– Огюст, – ответил я.

– Ты шёл за мной, – вдруг прошепелявил старик, и все в рубке уставились на меня, – зачем?

– Просто, – ответил я, не зная, что следует к этому прибавить.

– Просто? – усмехнулся старик. – Просто ничего не бывает. Я вёл тебя, мальчик.

Рыжий матрос поднёс старику кальян. Старик сделал затяжку, закрыл глаза и, казалось, отключился от происходящего.

– Это мои товарищи, – продолжил он через пару минут, указывая рукой на собравшихся вокруг матросов, – они свидетели моей долгой жизни. По глазам вижу, тебе не терпится разгадать, что всё это значит? – старик ещё раз и как-то особенно печально усмехнулся. – Скоро всё узнаешь. А теперь спать. Вахтенные – Филипп и Васса.

Яхта мерно покачивалась в волнах. Попривыкнув к качке, я вполне сносно устроился на жёсткой кормовой поперечине, отведённой мне для сна. Я лежал на спине, положив под голову канатную скрутку, и смотрел на звёзды. Серебристые горошины посверкивали в чёрном бархате неба, как бесчисленный песок на отмели в лунную ночь. Звёзды казались настолько рядом, что пару раз я невольно протянул к ним руку.

Сон поелику сморил меня. На этот раз я уснул спокойно и легко, доверив свою судьбу новым биографическим обстоятельствам.

Часть 5. Пробуждение

Разбудил меня яркий солнечный луч, брызнув в расщелину растянутых в небе парусин. Я открыл глаза и увидел над собой физиономию капитана.

– Господин Огюст, – кэп склонился надо мной, как изъеденный морскими течениями знак вопроса, – как почивали?

– Спасибо, хорошо, – ответил я, немало удивлённый его вниманием.

– Завтрак готов! – гаркнул один из матросов, подбегая ко мне с подносом, полным разнообразной морской всячины. У подноса были загнуты края, чтобы при качке горшочки с кушаньями не падали «за борт».

– Спасибо. – ещё раз ответил я, стараясь скрыть удивление перед весьма странным вниманием к моей персоне.

Пока я завтракал, матрос мерно раскачивался надо мной в такт движениям яхты. Я заметил, что при любом положении тела он держал поднос строго горизонтально.

Окончив завтрак и отпустив матроса, я огляделся. Первое, что мне показалось странным, – это отсутствие старика. Я несколько раз внимательно обшарил глазами палубу, но старика действительно нигде не было. На яхте деловито совершалась обыкновенная морская работа.

Я подошёл к капитану.

– А где старик?

– Какой старик, господин Огюст? – ответил кэп вопросом на вопрос.

Я хотел продолжить дознание и вдруг запнулся. В голове мелькнула мысль о том, что роль старика в «этом спектакле на водах», судя по изменившемуся отношению команды, каким-то непонятным образом перешла ко мне. Его же самого нет и быть не может, потому что теперь есть я.

Мой взгляд больше не искал старика за судовыми выступлениями и нагромождениями. Я внимательно всматривался в лица матросов. И каждый из них, когда наши глаза встречались, склонял голову в знак послушания моей ещё не высказанной воле.

Я перешёл в капитанскую рубку и присел в углу на тот самый стул, на котором ещё вчера восседал старик.

В голове отчаянно пульсировала кровь. Необходимо было сосредоточиться и обдумать моё новое положение и тактику общения с командой.

«Переубеждать их нет никакого смысла. Единственное, что могло бы убедить команду, это присутствие старика, но его нет!» Я вспомнил, как старикан смотрел на меня, когда вместе с матросами я покидал капитанскую рубку, исполняя его же приказ о немедленном отбое. Мне тогда показалось, что он глазами умолял меня остаться, словно говорил: «Стой же, я ещё не нагляделся на тебя! Побудь рядом...» Но я вышел, и старик не остановил меня.

– Господин Огюст, фарватер, предложенный вами вчера, слишком сложен даже для такого маневренного судна, как наше. Мы правим на шлейф, где мелководные каменистые пороги могут повредить корпус и создать нам определённые трудности. Прикажете не менять курс?

«Зачем он это сделал? – подумал я, понимая, что решение о порожистом фарватере было принято стариком осознанно. – Этой ночью закончилось его время, он успел передать мне права на собственную жизнь, но, похоже, не успел вложить в своё таинственное послесловие самое главное – желание жить!

– Нет, кэп, мы меняем курс на обратный. Возвращаемся в порт! – объявил я как можно более твёрдым голосом.

Предупреждая лишние вопросы и, не дай бог, возражения, я вышел из капитанской рубки, «вельможно» указав кэпу на штурвал, а рыжему верзиле на румпель.

Начался прилив, движение воды увеличило без того предельную скорость хода. Через три с половиной часа перед нами забрезжил тонкий горизонтальный силуэт берега. Ещё через час мы вошли в гавань Сан-Педро и причалили к пирсу набережной. Как только швартовый канат был брошен на оголовок кнехта, я поспешил на берег.

Часть 6. Катрин

Представьте изумление, которое мне довелось испытать на берегу, как только я вышел на набережную. Вместо крикливого и суматошного туристического Сан-Педро моих родных 90-х годов, передо мной, как в сферическом кинозале, предстал портовый городок давно ушедшего времени...

Чопорные особняки, мелкие киоски и журнальные тумбы, экипажи и фасоны платьев горожан ходили на бытовые зарисовки первого десятилетия двадцатого века. Высокие жёсткие воротники, широкие шляпы и причёски в стиле девушек Гибсона, худые, спортивные силуэты и однобортные костюмы мужчин – всё это давным-давно вышло из моды и многократно забыто ею. Однако визуальная реконструкция быта столетней давности была выполнена весьма убедительно. «Наверное, – подумал я, – за время моего плавания в городе что-то изменилось, и на набережной прямо сейчас снимается какой-то исторический фильм».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.